

На рассвете, один за другим, заголосили петухи. В деревне все привыкли вставать рано, чтобы успеть поработать на полях: в разгар лета никто не выдержит палящего дневного зноя.

На краю поля, у подножия гор, молодой человек взмахами мотыги выкорчевывал сорняки, медленно пятясь назад. Мышцы его рук напряглись, а капли пота на лице, стекая по шее, впитывались в майку и бесследно исчезали. Рядом, в небольшой луже, валялся в грязи бык, а на узкой меже сидел мальчишка, придерживая веревку.

Солнце поднималось всё выше. Юноша успел дойти до середины участка, когда в его животе раздалось недовольное урчание.

Хэ Хао поднял мотыгу на плечо и окликнул мальчишку на меже: Тао-Тао, води быка домой, пора есть!

Услышав это, парнишка радостно вскочил, дернул за веревку и, обернувшись к брату, затараторил: Брат, ты такой медленный! Я чуть с голоду не помер, давай быстрее домой!

Хэ Хао, нагруженный мотыгой, подошел к нему, взял веревку и, ведя быка, не спеша двинулся по тропинке к горам: Да, что-то мы припозднились. Если остаться дольше, утреннее солнце до того раскалится, что кожа начнет слезать. Пошли, быстрее домой.

Мальчик засеменил следом. Как только они вышли на дорогу, он ловко взобрался на спину быка. Животное, всё еще влажное после купания, послушно и смирно несло седока. Мальчик спросил: Брат, ты ведь сегодня едешь в школу? Привезешь мне чего-нибудь вкусенького? Хочу острую лапшу!

Хэ Хао, шагая впереди, обернулся на брата. Он немного ворчал — ведь стирать одежду после быка придется ему, — но не в силах сердиться на самом деле, лишь беспомощно улыбнулся: Дождись следующей недели. В пятницу вернись и куплю тебе. Ишь, лакомка!

Братья перешучивались, неспешно возвращаясь домой.

У ворот Хэ Хао завел быка в загон, привязал его и поспешил в дом смыть пот. После утренней работы тело было липким и неприятным. Вскоре, когда он вышел из ванной, свежий и чистый, показалось, что даже летний зной стал чуть мягче.

Завтрак был простым: лепешки, рисовая каша и соленые стебли редьки — приятное дополнение к утренней трапезе.

Дедушка Хэ сидел за столом в главной комнате и потягивал крепкий самогон — он мог выпить чарку за каждым приемом пищи, даже если закусывал одной лишь соленью. Бабушка Хэ не стала на него смотреть: взяв свою миску, она приставила стул под навесом во дворе и принялась завтракать там.

Бабушка Хэ, отхлебнув каши, взглянула на Хэ Хао: Ешь быстрее. Сегодня приготовлю что-нибудь получше — завтра ведь школа начинается, а вечером ты уедешь. Школьная еда ни в какое сравнение не идет с домашней.

Хэ Тао, жуя лепешку, пробормотал: Брат, неужели еда в вашей школе настолько ужасная?

Хэ Хао, держа в руках миску с кашей, накрытую лепешкой, придвинул стул поближе к родным и, улыбнувшись, ответил: Хорошо, бабушка. — Затем он повернулся к брату: Ее можно есть, но трудно сказать, вкусная она или нет. В следующем году сам попробуешь школьной отравы! Мне особенно запомнилось, как в шестом классе я купил миску лапши, сделал первый глоток и увидел в бульоне огромного паука — он еще дергал лапками. В итоге я просто выловил кусок лапши и доел, но с тех пор школьную лапшу больше не беру.

Хэ Тао слушал это, и у него пропал аппетит. Он сказал брату: Брат, хватит! У меня аж живот скрутило. Что же мне теперь делать? Я не хочу такое есть.

Хэ Хао усмехнулся: Это была случайность, может, тебе и не попадетсЯ. Потом сам узнаешь. Разве ты не знаешь, что в рисе у нашей бабушки иногда заводятся жучки? Случается, ешь и не замечаешь, как проглотишь!

Хэ Тао взвыл, чувствуя себя жертвой обстоятельств.

Бабушка Хэ искоса взглянула на старшего внука и отчитала его: Не говори о таком за едой! Как другим после этого есть?

Хэ Хао дернул уголок рта, подумав про себя, что бабушкина стряпня немногим лучше — она часто хранит продукты до тех пор, пока на них не начинает расти плесень. Но, поморщившись, он промолчал и уткнулся в свою миску.

Хэ Тао был младшим в семье, в следующем году он пойдет в шестой класс в начальную школу поселка. После шестого класса нужно переходить в среднюю школу. Расстояние между ними небольшое, но здешние жители из дальних деревень обычно живут в общежитиях и возвращаются домой раз в неделю. Ходить пешком по несколько километров неудобно, от дома до поселка путь занимает около часа, а вечером еще и дополнительные занятия — кругом горы, ночью хоть глаз выколи, дороги не видать.

Сейчас, впрочем, стало гораздо лучше. В школьные годы Хэ Хао было труднее: школа предоставляла только койки, а денег на доски для сна не было. Пришлось дедушке Хэ рубить бамбук, плести из него настилы и тащить их в школу. У большинства учеников тогда было так же: цельная доска стоила дорого, несколько десятков юаней. Спать на бамбуке было больно, все кости ныли, а зимой даже под ватным матрасом гулял холодный ветер. Теперь всё иначе — школа дает кровати, достаточно привезти лишь постельное белье и предметы гигиены.

Жара усиливалась. Хэ Хао выбрал одежду, сложил в сумку, достал из потайного отделения

шкафа деньги. Развернув лоскуток ткани, он увидел аккуратные стопки монет и купюр. Он тщательно пересчитал — всего пятьдесят шесть юаней. Взяв пятьдесят, остальное он бережно спрятал обратно.

Эти деньги он откладывал с младших классов. В начале учебы в интернате семья давала ему двадцать пять юаней в неделю, тогда еда была дешевой, юаня хватало на сытный обед. Позже, в средней школе, стали давать на пятнадцать юаней больше — сорок в неделю, из которых удавалось что-то отложить. В старшей школе решили, что парень вырос, и, помимо оплаты обучения и учебников, стали давать на еду восемьдесят юаней в неделю. Если экономить, можно было накопить, но иногда, покупая брату сладости, он всё тратил.

Вспомнив вчерашние разговоры, Хэ Хао решил, что у одного парня наверняка нет денег на еду, и взял сумму с запасом.

На обед семья ела пельмени со свиной и капустой. Начинки не жалели, и все остались очень довольны.

После обеда Хэ Хао начал собирать вещи: матрас, простыни, сменную одежду, таз, зубную щетку, пасту и полотенце. Собирался долго, сложил всё крупное в мешок из-под сахара, который удобно нести.

Переодевшись в белую свободную футболку, джинсы и белые кеды, Хэ Хао закинул рюкзак на плечи. Высокая переносица, острые, как крылья феникса, глаза, слегка приподнятые брови — его взгляд казался пронзительным и холодным. Широкие плечи, длинные ноги и крепкое, подтянутое тело — он выглядел настоящим юношей.

Дедушка Хэ уже ждал на трехколесном велосипеде у ворот. Хэ Хао положил мешок на кузов, чтобы дедушка довез его до поселка, где можно сесть на рейсовый автобус.

Перед самым отъездом бабушка Хэ достала маленький платочек, расправила мятые купюры, посплюнявила палец и, отсчитав сто юаней, протянула внуку: Хао-цзы, это тебе на еду на эту неделю. В школе всё купишь, что нужно. Экономь, ведь дома денег не густо...

Хэ Хао взял деньги, сунул в потайной карман рюкзака, подхватил мешок и сказал: Бабушка, я знаю. Мне пора, а то на автобус опоздаю!

Бабушка, боясь, что деньги потеряются в кармане одежды, сама пришила ему в рюкзак потайной карман. Эти наставления он слышал уже тысячу раз, уши давно привыкли, но у них с бабушкой была возрастная пропасть — даже если объяснять, она всё равно не поймет, так что проще просто согласиться.

Ближе к двум часам дня стало совсем жарко, словно тебя засунули в печь. Даже если не двигаться, пот течет ручьем.

Хэ Хао уложил вещи и попросил дедушку пересесть, чтобы самому крутить педали: тащить груз до поселка тяжело, а так он доедет, и дедушке будет проще вернуться на пустом велосипеде. К тому же, оставлять велосипед в поселке негде, да и за стоянку платить надо.

Хэ Хао вез дедушку на трехколесном велосипеде. Не доезжая до конца деревни, он увидел молодого человека, стоявшего у обочины. Короткие, пушистые волосы, выцветшая футболка, светло-серые спортивные штаны, белые кеды. У него за спиной висела сумка, а рядом лежал такой же мешок. Фигура выглядела хрупкой и вытянутой, он стоял прямо, словно на посту.

Хэ Хао притормозил: Ван Чэнь, грузи вещи, садись, а то опоздаем!

Ван Чэнь отозвался, посмотрел на дедушку Хэ и вежливо поздоровался: Дедушка.

Старик, глядя на тщедушного паренька, ответил: Чэнь-цзы, запрыгивай, а то автобус уйдет.

Ван Чэнь послушался, закинул мешок и сел с краю. Холодно и отстраненно он бросил водителю: Если устанешь, давай сменимся!

Хэ Хао лишь кивнул и налег на педали. Старик и молчаливый юноша перекинулись парой слов, но разговор не клеился. Хэ Хао пытел, крутя педали, спина его была насквозь мокрой от пота. Минут через двадцать они добрались до поселка — это куда быстрее, чем идти пешком сорок-пятьдесят минут.

Обстановка в поселке была получше, чем в деревне: вместо глиняных дорог — бетонные, а одноэтажные домики выглядели опрятнее. Автостанция была лишь пустырем, где останавливались рейсовые автобусы. Все привыкли называть это место станцией. Автобусы были частными: сиденья по бокам, проход посередине, а за спиной водителя — длинная лавка. Если мест не было, садились туда.

Юноша затормозил, вытер край футболки пот со лба и, сняв вещи, сказал дедушке: Дед, езжай домой, осторожнее на дороге. Мы пошли в школу.

Дед проводил внуков взглядом и уехал.

Парни внесли сумки в автобус и сели на места посередине. Вокруг сидело немало людей, большинство — с узлами и сумками, школьники. Автобус трясло на каждой кочке, путь до уезда занимал больше часа, так что сидеть посередине было удобнее, чем сзади, где от качки начинало тошнить.

Хэ Хао открыл окно, чтобы проветрить, вытер пот, сделал большой глоток воды из фляги и убрал ее в рюкзак. Все движения были слаженными. Затем он приставил рюкзак к окну, чтобы загородиться от солнца, и сказал соседу: У окна жарко, ты садись с краю, так будет лучше.

Ван Чэнь опешил от такой заботы. Его сердце кольнуло — неужели этот парень так добр ко всем? Ответа он не знал, но тихо поблагодарил: Спасибо, мне нормально. И спасибо, что подвез.

Хэ Хао усмехнулся: Пустяки, мы же из одной деревни и учимся в одной школе, мне всё равно было по пути.

Ван Чэнь не знал, что ответить: он был нелюдим и почти не общался с другими, да и с Хэ Хао знаком не был. Он просто кивнул и замолчал.

Их окутала тишина: один прикрыл глаза, другой смотрел в окно.

Водитель кричал: Кто до уезда Ли? Скоро едем, поторопитесь!

Вскоре набилось еще несколько человек, и автобус, издав гул, медленно тронулся.

Кондуктор пошел по салону: Куда едете?

— В уезд Ли! — в один голос ответили парни.

— Два юаня с каждого, — отрезала кондуктор, отсчитала сдачу и пошла дальше.

Они переглянулись и тут же отвели глаза. Ван Чэнь снова прикрыл глаза, а Хэ Хао уставился в окно.

Автобус покачивался, в салоне стоял шум — люди болтали, ели, воздух наполнился смесью запахов. Остановки как таковой не было: автобус подбирал всех, кто махал рукой на обочине. Через час пути они наконец добрались до автовокзала. Выйдя из машины, оба парня были бледными. Постояв на обочине, чтобы прийти в себя, они медленно двинулись в сторону школы.

<http://bllate.org/book/21860/2268551>